

Послѣдній штурмъ крѣпости Карса въ 1877 году и предшествовавшія взятію этой крѣпости событія въ дѣйствующей Кавказской арміи и на Кавказѣ.

Во второй половинѣ 1876 года наши войска начали сгруппировываться около города Александрополя, расположеннаго близъ крѣпости того же имени. Временно командующимъ войсками былъ назначенъ генераль-адъютантъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ; количество войскъ было усилено прибытіемъ въ Александрополь Московской гренадерской пѣхотной дивизіи и Сороковой пѣхотной. По распоряженію начальника главнаго военно-суднаго управленія В. Д. Философова, я, будучи уже подполковникомъ и помощникомъ военнаго прокурора кавказскаго военно-окружнаго суда, назначенъ былъ прокуроромъ военно-полевого суда дѣйствующей кавказской арміи. Въ апрѣлѣ 1877 года наконецъ послѣдовалъ Высочайшій Манифестъ объ объявленіи войны съ Турціей, что обрадовало крайне войска, и въ день объявленія Манифеста кавказская армія подъ начальствомъ генераль-адъютанта М. Т. Лорисъ-Меликова вступила въ турецкія владѣнія. Затѣмъ послѣдовало взятіе Баязета и Ардагана, а наша кавалерія, состоящая изъ трехъ драгунскихъ, нѣсколькихъ казачьихъ и конно-мусульманскихъ полковъ и милиціи подъ начальствомъ генерала князя Чавчавадзе съ надлежащимъ количествомъ конной артиллеріи, опередивъ нашу пѣхоту, появлялась иногда даже тамъ, гдѣ были расположены отряды турецкой регулярной арміи, чѣмъ и вынуждала отряды эти къ оставленію занятыхъ ими позицій. Вообще наши боевыя дѣла шли довольно успѣшно, когда въ началѣ 1877 года намѣстникъ Кавказа Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, прибывъ въ городъ Александрополь, при-

нялъ на себя званіе главнокомандующаго дѣйствующею кавказскою арміею. Подъ личнымъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества большее количество нашей дѣйствующей арміи подошло къ Карсу,—крѣпости въ инженерномъ отношеніи первоклассной, превосходно вооруженной и признаваемой почти неприступной въ боевомъ смыслѣ. Неудачное однако сраженіе съ турецкою арміею подъ начальствомъ самого Мухтара-паши вынудило насъ снять осаду Карса и отступить, но послѣ знаменитой одержанной нами побѣды подъ Авліяромъ надъ турецкою арміею, наши войска снова обложили крѣпость Карсъ, такъ какъ разбитый Мухтаръ-паша вынужденъ былъ отступить съ своею арміею къ Эрзеруму.

Съ отъѣздомъ Его Императорскаго Высочества Михаила Николаевича изъ Александрополя въ дѣйствующую армію, въ городъ Александрополь пріѣхала супруга Его Императорскаго Высочества Великая Княгиня Ольга Θεодоровна, вмѣстѣ съ фрейлиною госпожею Озеровой и немедленно приняла подъ свой надзоръ попеченіе о раненыхъ, которыхъ въ городѣ Александрополѣ уже скопилось довольно много. Съ пріѣздомъ Великой Княгини Ольги Θεодоровны сестры милосердія пріуныли, а медицина, напротивъ, какъ бы обрадовалась, вполне надѣясь, что уходъ за больными улучшится. Дѣйствительно, каждый день съ шести часовъ утра приблизительно до семи часовъ вечера Великая Княгиня Ольга Θεодоровна неутомимо работала: обходила раненыхъ, наблюдала за ихъ содержаніемъ, аккуратностью перевязокъ, доброкачественностью пищи и вообще всего, что касалось до раненыхъ, исполняя преимущественно желаніе тяжело раненыхъ всѣмъ необходимымъ. Вѣчная память Ея Императорскому Высочеству Великой Княгини Ольги Θεодоровны за ея вполне разумное и полное сердечности отношеніе къ страдальцамъ-раненымъ, и думаю, что никто изъ раненыхъ дѣйствующей арміи на Кавказѣ о заботливости Великой Княгини не забудетъ. Съ уходомъ войскъ изъ Александрополя городъ почти опустѣлъ, но вскорѣ наполнился плѣнными турками въ количествѣ болѣе двадцати двухъ тысячъ съ двумя пашами съ ихъ штабами; эти плѣнные являлись больнымъ мѣстомъ для мѣстной администраціи и въ особенности для коменданта крѣпости генерала-лейтенанта Кобіева, по отношенію къ размѣщенію и продовольствію плѣнныхъ, хотя нижніе чины турецкой арміи были размѣщены въ большомъ опустѣломъ караванъ-сараѣ, складочномъ мѣстѣ для товаровъ, а по домамъ обывателей—офицеры, коимъ и выдавались на руки порціонныя деньги.

Въ половинѣ сентября 1877 года умеръ военный прокуроръ кавказскаго военно-окружнаго суда дѣйствительный статскій совѣтникъ Коропчицъ, и я по распоряженію начальника главнаго военно-суднаго управленія В. Д. Философова долженъ былъ вступить къ исполненію двухъ обязанностей: военнаго прокурора кавказскаго военно-окружнаго суда и прокурора Высочайше учрежденнаго кассационнаго присутствія при кавказской арміи, а также докладчика у Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго оной арміею по дѣламъ гражданскихъ лицъ, подлежащихъ вѣдѣнію военно-окружнаго суда и полевыхъ судовъ, за цѣлый рядъ преступленій въ силу объявленія нѣкоторыхъ мѣстностей Кавказа и Закавказья на военномъ положеніи. Почему передавъ должность прокурора военно-полевого суда при дѣйствующей арміи подполковнику Брюсту, я выѣхалъ изъ Александрополя въ городъ Тифлисъ, гдѣ немедленно вступилъ въ отправленіе вышеуказанныхъ обязанностей. По прокурорскому надзору Кавказскаго военно-окружнаго суда за пущеній никакихъ не оказалось, а потому и моя работа пошла путемъ уже намѣченнымъ. Какъ прокурору Высочайше учрежденнаго кассационнаго присутствія, мнѣ приходилось ничего не дѣлать, такъ какъ кассационныхъ жалобъ и протестовъ изъ военно-полевыхъ судовъ во все время войны въ присутствіе не поступало, но за то много накопилось различныхъ донесеній съ препровожденіемъ дознаній отъ жандармеріи, мѣстной кавказской гражданской полиціи и даже губернаторовъ, ибо болѣе ста пакетовъ, заключающихъ въ себѣ официальные акты, оказались даже не вскрытыми по случаю тяжелой болѣзни покойнаго Коропчица. Вслѣдствіе чего по послѣднему отдѣлу мнѣ приходилось усиленно работать при помощи только одного дѣлопроизводителя и нерѣдко выходить изъ прокурорскаго кабинета къ себѣ домой далеко за полночь; требовалась работа спѣшная, тѣмъ болѣе, что многіе изъ заподозрѣнныхъ лицъ въ совершеніи главнымъ образомъ преступленій государственныхъ по распоряженію административныхъ властей были заключены подъ стражу. Кассационное присутствіе составляли два военныхъ юриста, прибывшихъ изъ С.-Петербурга, и именно: обязанность председателя кассационнаго присутствія исполнялъ генераль-маіоръ Зиминскій, а члена присутствія—военный судья полковникъ Берновъ.

Между тѣмъ многія мѣстности Кавказа находились въ крайне тревожномъ положеніи и въ особенности области: Дагестанская, Терская, а отчасти Абхазія и Сванетія. Въ мечетяхъ

муллами произносились проповѣди, поджигающія населеніе къ возстанію противъ русскихъ властей, какъ гяуровъ и сочувственному отношенію къ турецкому правительству, какъ право-вѣрнымъ суннитамъ. Такое тревожное состояніе горцевъ не позволяло оставить Дагестанскую и Терскую области безъ войска, хотя для подавленія возстанія въ аулахъ, какъ оказалось на практикѣ, достаточно было одного или двухъ баталіоновъ съ тремя горными орудіями. Независимо отъ такого броженія появлялись лица, пропагандирующія отдѣленіе Кавказа отъ Россіи и вообще государственное переустройство въ смыслѣ переноса суверенитета государственной власти на народъ, но такихъ революціонеровъ было мало и они какъ пришлые не пользовались общественнымъ довѣріемъ. Несмотря однако на проповѣди въ мечетяхъ и Высочайшее соизволеніе, разрѣшающее горцамъ оставлять свои аулы и переселяться въ турецкія владѣнія, большинство горцевъ охотно поступало на службу въ милицію и конно-мусульманскіе полки, входящія въ составъ нашей дѣйствующей кавалеріи. Такое стремленіе горцевъ безусловно оправдывалось отчасти хорошимъ денежнымъ жалованьемъ съ полнымъ продовольствіемъ; при чемъ, конечно, вопросъ религіозный совершенно игнорировался.

Болѣе семидесяти духовныхъ лицъ мусульманскаго вѣроисповѣданія муллъ и муэзиновъ были заключены подъ стражу, а потому и въ мечетяхъ по неволѣ не производилось богослуженія и обитатели ауловъ уже не слышали съ минаретовъ мечети громкихъ молитвенныхъ призывовъ муллъ и муэзиновъ каждый день передъ заходомъ солнца къ вечернему намазу и молитвѣ¹⁾. Такое положеніе ауловъ нельзя было признать нормальнымъ, а потому я рѣшилъ освободить муллъ и муэзиновъ изъ-подъ стражи, предоставивъ имъ полную свободу къ отправленію ими духовныхъ обязанностей, но съ строгимъ воспрещеніемъ произносить проповѣди, подстрекающія населеніе къ возстанію противъ мѣстныхъ властей и вообще враждебному отношенію къ русскимъ, какъ гяурамъ, съ предупрежденіемъ муллъ и муэзиновъ, что въ случаѣ повторенія ими законопреступныхъ проповѣдей и реального обнаруженія подстрекатель-

¹⁾ Каждодневный призывъ муэзиновъ и муллъ съ минаретовъ произнесеніемъ громко молитвы „алла-иль-алла“ и такъ далѣе производилъ грандіозное впечатлѣніе и все въ аулѣ стихало, какъ бы прислушиваясь къ молитвѣ, напоминающей о Всемогуществѣ Бога въ природѣ. Нечего говорить, что непровозглашеніе молитвы съ минарета производило на обывателей ауловъ тягостное впечатлѣніе, въ чемъ я лично убѣдился.

ства къ возстанію, они, то-есть муллы и муэзины, будутъ немедленно удалены въ предѣлы турецкихъ владѣній. Означенное однако распоряженіе могло послѣдовать только съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества, какъ намѣстника кавказскаго, а для этого необходимъ былъ отдѣльный докладъ Его Императорскому Высочеству. Съ моимъ докладомъ объ освобожденіи изъ-подъ стражи духовныхъ лицъ мусульманскаго вѣроисповѣданія Его Императорское Высочество изволилъ согласиться и вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ мнѣ сдѣлать распоряженіе согласно моего доклада. Такимъ образомъ мулламъ и муэзинамъ была предоставлена свобода съ отдачей ихъ подъ надзоръ мѣстной администраціи, или правильнѣе сказать „наибовъ“, завѣдывающихъ аулами въ административномъ и полицейскомъ отношеніяхъ; мечети были открыты и въ аулахъ потекла прежняя заурядная жизнь. „Наибы“, какъ состоящіе у насъ на государственной службѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ соединяющіе въ себѣ званіе мѣстнаго судьи, „кади“, были строгими блюстителями порядка въ аулахъ. Конечно, тайная пропаганда противъ нашего правительства не прекращалась при помощи абрековъ и тѣхъ же муллъ и муэзиновъ, но въ крайне рѣдкихъ случаяхъ пропаганда эта облекалась во внѣшнюю форму и, такъ сказать, вступала на почву активнаго возстанія, но „наибы“ немедленно доносили надлежащему начальству, и разгоравшійся огонекъ былъ конечно потушенъ при помощи незначительнаго количества войска.

Въ послѣднихъ числахъ сентября я получилъ сообщеніе отъ эриванскаго гражданскаго губернатора генераль-маіора Рославлева о переполненіи арестованными мѣстнаго Эриванскаго тюремнаго замка и распространеніи вслѣдствіе этого въ ономъ мѣстѣ заключенія тифа и даже сыпного, угрожающаго перейти въ городъ. Почему генераль-маіоръ Рославлевъ и просилъ разсортировки заключенныхъ и освобожденія нѣкоторыхъ на свободу, тѣмъ болѣе, что въ тюремномъ замкѣ были также заключены и восемьсотъ пятьдесятъ турецкихъ плѣнныхъ, покушавшихся на побѣгъ. Почти одновременно съ полученіемъ пакета отъ генераль-маіора Рославлева, я получилъ и подробную телеграмму отъ начальника штаба дѣйствующей кавказской арміи генераль-лейтенанта Павлова о томъ, что Его Императорское Высочество предлагаетъ мнѣ лично отправиться въ городъ Эривань, гдѣ при содѣйствіи генераль-маіора Рославлева очистить тюремный замокъ отъ переполненія арестованными и вмѣстѣ съ тѣмъ находящихся въ городѣ Эривани турецкихъ плѣнныхъ

эшелонами направить въ городъ Тифлисъ. На другой день послѣ полученія телеграммы я на почтовыхъ выѣхалъ въ городъ Эривань. По прибытіи въ городъ Эривань и остановившись у военнаго слѣдователя, я, не теряя времени, отправился къ генералъ-маіору Рославлеву, отъ котораго и узналъ о причинѣ скученности арестованныхъ въ тюремномъ замкѣ. Медлить было невозможно, но необходимо было также предварительно переговорить съ прокуроромъ окружного Эриванскаго суда, а между тѣмъ всѣ присутственныя мѣста по случаю сильной жары и цвѣтенія хлопка выѣхали изъ города Эривани на высокую мѣстность, такъ называемую „Гора-Цвѣтовъ“ и превышающую Эривань на три тысячи футовъ. Получивъ отъ эриванскаго прокурора окружного суда надлежащія свѣдѣнія по отношенію къ арестованнымъ я снова отправился въ Эривань и немедленно приступилъ къ исполненію возложенныхъ на меня обязанностей. Состояніе Эриванскаго тюремнаго замка въ то время было самое плачевное отъ переполненія арестованными и отсутствія медицинской помощи, ибо два медика, состоящіе при тюрьмѣ, заразившись отъ тифа, умерли и вся медицина сосредоточилась въ рукахъ старшаго фельдшера. Плѣнные турки были сгруппированы въ трехъ большихъ камерахъ; отъ тѣсноты воздухъ въ этихъ камерахъ былъ невыносимый и когда туркамъ предложено было выйти изъ камеръ, то до ста плѣнныхъ остались въ камерахъ за неимѣніемъ силъ подняться съ наръ и начавшагося уже у нихъ тифа. За исключеніемъ турецкихъ плѣнныхъ мною освобождено еще изъ заключенія до ста пятидесяти арестованныхъ и тюрьма могла быть свободно подвергнута дезинфекціи.

Разбивъ девять тысячъ турецкихъ плѣнныхъ на шесть эшелоновъ, я предложилъ губернатору генералъ-маіору Рославлеву немедленно препроводить плѣнныхъ въ Тифлисъ, хотя и въ Тифлисѣ было много уже турецкихъ плѣнныхъ, но такое распоряженіе вызывалось необходимостью въ виду скученности населенія города Эривани и довольно сильнаго уже тамъ распространенія тифа тяжелой формы.

Городъ Тифлисъ былъ также переполненъ турецкими плѣнными, но нижніе чины разгуливали свободно по городу, сосредоточиваясь главнымъ образомъ группами на Эриванской и другихъ площадяхъ, а плѣнные офицеры приглашались обывателями на обѣды и вечера и посѣщали лѣтнее помѣщеніе единственнаго въ то время въ Тифлисѣ клуба, носящаго названіе „Художественнаго и Артистическаго кружка“.

Павильонъ клуба, гдѣ читались газеты, былъ всегда переполненъ публикою, а газеты выписывались не только русскія, но и иностранныя, даже англійскія; всѣ стремились узнать, что дѣлается у насъ на театрахъ военныхъ дѣйствій, и вообще населеніе Кавказа какъ бы было наэлектризовано войною. Либеральныя газеты, а къ числу ихъ принадлежалъ и Тифлисскій Вѣстникъ, редакторомъ коего былъ солидно-образованный князь Бебутовъ, относились къ нашимъ первоначальнымъ военнымъ успѣхамъ на Кавказѣ съ какою-то недовѣрчивостію, признавая подобно англійской прессѣ Мухтара-пашу за полководца, не лишеннаго дарованій. Пріѣзжающіе офицеры изъ дѣйствующей арміи въ Тифлисъ тоже передавали иногда неутѣшительныя свѣдѣнія о состояніи нашей арміи, о ея голодовкѣ, усиленной смертности отъ тифа и интригахъ генераловъ почему, когда послѣ неудачи наши войска должны были оставить осаду Карса и отступить по направленію къ Александрополю, то въ обществѣ уже появилось не только сомнѣніе въ стойкости нашихъ войскъ, но даже и боязнь за вторженіе Мухтара-паши въ предѣлы нашихъ владѣній. Пріѣздъ однако Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича въ дѣйствующую армію и принятіе имъ на себя званія главнокомандующаго парализировали всѣ интриги и не только упорядочили состояніе арміи, но и дали возможность послѣ знаменитой нами одержанной побѣды подъ Авліаромъ надъ Мухтаромъ-пашой снова осадить крѣпость Карсъ и вселить уже въ обществѣ надежду на успѣхъ, хотя либеральныя наши газеты, а въ томъ числѣ и Тифлисскій Вѣстникъ, опираясь опять же на англійскую прессу, продолжали сомнѣваться и главнымъ образомъ въ виду двухъ нашихъ неудачныхъ штурмовъ крѣпости Карса.

Между тѣмъ турецкій флотъ подъ начальствомъ англичанина Гобарта-паши подступилъ къ Сухумъ-Кале и подвергнулъ этотъ городъ сильной бомбардировкѣ, а находящаяся въ этомъ городѣ наша дивизія подъ начальствомъ генерала Кравченко, не выждавъ даже турецкаго десанта, удалилась изъ Сухума, оставивъ городъ на произволъ непріятеля. Свое отступление Кравченко оправдывалъ возстаніемъ въ Абхазіи, что подтверждалось и полученными мною сообщеніями отъ мѣстной въ Абхазіи администраціи, но Гобартъ-паша, испепеливши Сухумъ, двинулся съ флотомъ къ Константинополю, не попытавшись даже высадить около Сухума десанта. Короче говоря, общественное мнѣніе въ Тифлисъ, Эривани и Кутаисѣ по отноше-

нію къ военнымъ дѣйствіямъ, какъ мнѣ удалось прислушаться, не отличалось устойчивостью и сомнѣніе въ непобѣдимости нашей, по крайней мѣрѣ на Кавказѣ, подрывало какъ бы увѣренность въ героизмъ русскихъ войскъ.

Къ первому октября у меня накопилось болѣе трехсотъ дѣлъ, требующихъ личнаго доклада у Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго Кавказскою арміею, а потому я и рѣшилъ телеграммою просить начальника штаба дѣйствующей арміей генераль-лейтенанта Павлова разрѣшить мнѣ пріѣхать въ армію и того же перваго октября отъ генераль-лейтенанта Павлова отвѣтною телеграммою получилъ на то разрѣшеніе. Рано утромъ втораго октября я отправился изъ Тифлиса въ Александрополь, куда и прибылъ въ шесть часовъ вечера того же числа.

Отдохнувши и напившись чаю у подполковника Брюста, я намѣренъ былъ немедленно отправиться къ мѣсту расположенія дѣйствующей арміи, осаждавшей въ то время крѣпость Карсъ, но неожиданное обстоятельство помѣшало исполненію моего намѣренія. Въ то время, когда я и подполковникъ Брюстъ пили чай, слышался сильный грохотъ со стороны крѣпости Александрополя, какъ будто отъ залпа нѣсколькихъ орудій, что меня крайне заинтересовало, и по моему предложенію подполковникъ Брюстъ вмѣстѣ со мной отправился на мѣсто происшествія. Оказалось, что совершилось немаловажное событіе: расположенная въ люнетѣ крѣпости казарма, гдѣ происходила работа по начинкѣ и снаряженію артиллерійскихъ орудійныхъ снарядовъ, была разрушена и на мѣстѣ происшествія лежало въ безпомощномъ состояніи двадцать три обожженныхъ и изуродованныхъ нижнихъ чина, а пять нижнихъ чиновъ и въ томъ числѣ два фейерверкера были уже мертвы. Немедленно раненымъ и обожженнымъ была оказана медицинская помощь и двумя медиками при помощи нѣсколькихъ фельдшеровъ и всѣмъ пострадавшимъ были тутъ же на мѣстѣ сдѣланы перевязки, и они, въ буквальномъ смыслѣ закутанные ватой, были перенесены въ отдѣльный шатеръ лѣтняго помѣщенія госпиталя. Въ виду заявленія медиковъ, что жизнь большинства пострадавшихъ находится въ опасности и едва-ли они могутъ пережить болѣе сутокъ, я предложилъ подполковнику Брюсту потребовать на мѣсто событія военнаго слѣдователя подполковника Антушевича и приступить къ производству предварительнаго слѣдствія, не ожидая дознанія и донесенія о случившемся отъ коменданта Александропольской крѣпости. Подпол-

ковникъ Брюсть, будучи формалистомъ, не согласился однако нарушить требованіе XXIV кн. Св. Воен. Постановленій, а потому я, пользуясь властью военнаго прокурора Кавказскаго военно-окружнаго суда, рѣшился принять полную отвѣтственность за нарушение закона лично на себя, формально предложивъ военному слѣдователю подполковнику Антушевичу немедленно составить протоколъ осмотра мѣста происшествія и затѣмъ допросить пострадавшихъ.

По окончаніи составленія протокола осмотра мы всѣ отправились на мѣсто нахожденія обожженныхъ раненыхъ, и военный слѣдователь подполковникъ Антушевичъ приступилъ къ допросу, конечно, подъ присягою, при чемъ священникъ, приводившій къ присягѣ cadaго отдѣльно, нашель умѣстнымъ предложить пострадавшимъ по снятіи съ нихъ допроса исповѣдываться и причаститься Св. Тайнъ, на что всѣ и изъявили согласіе. Дѣйствительно, изъ двадцати трехъ обожженныхъ и раненыхъ рано утромъ третьяго октября девятнадцать прекратили свое земное существованіе, а между тѣмъ показанія ихъ были крайне существенны, ибо съ рельефностью обнаруживали полную неряшливость, допущенную начальствомъ при производствѣ работъ по снаряженію артиллерійскихъ снарядовъ и, какъ впоследствии оказалось, въ качествѣ обвиняемыхъ по дѣлу были привлечены не только офицеръ, назначенный наблюдать за работою нижнихъ чиновъ, но и начальникъ артиллеріи Александропольской крѣпости. Во время производства допроса въ шатеръ вошла окруженная медицинскимъ персоналомъ и сестрами милосердія Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Ѳеодоровна, которая крайне сочувственно отнеслась къ несчастнымъ и пожелала узнать, кто изъ нихъ женатъ и имѣеть семейства, а также какой губерніи и уѣзда; всѣ эти свѣдѣнія были затѣмъ доставлены Ея Императорскому Высочеству ¹⁾ и, какъ оказалось затѣмъ, семействамъ

¹⁾ 1) Убытокъ казны, причиненный взрывомъ втораго октября, былъ довольно значителенъ и достигалъ во всякомъ случаѣ не менѣе пятидесяти тысячъ, при чемъ въ разрушенной казармѣ были также сложены уже приготовленные къ отправленію подъ крѣпость Карсъ четыреста артиллерійскихъ снарядовъ для орудій большого осаднаго калибра, въ чемъ наша осадная артиллерія сильно нуждалась, и пятьсотъ артиллерійскихъ снарядовъ для полевой артиллеріи. подлежащихъ передачѣ въ летучіе артиллерійскіе парки и 2) крѣпость Александрополь сооружена по системамъ Кармонтана и Монталамбера, а потому имѣеть форму непрерывныхъ бастионныхъ сооружений съ двумя отдѣльными эюнетами или рavelинами, расположенными противъ двухъ крѣпостныхъ воротъ и об-

лицъ, умершихъ по окончаніи войны, выданы были пособія по сто рублей на каждое семейство.

На другой день послѣ происшествія, то-есть третьяго октября, я въ десять часовъ утра отправился къ мѣсту расположенія нашей дѣйствующей арміи вмѣстѣ съ хирургомъ профессоромъ Дерптскаго тогда еще университета Бееромъ ¹⁾.

По прибытіи подъ крѣпость Карсъ, я помѣстился у старшаго адъютанта начальника кавалеріи, поручика барона Франка, который проживалъ въ довольно обширной саклѣ мѣстнаго селенія. Въ помѣщеніи, занимаемомъ барономъ Франкомъ, находилась и его канцелярія, а также и проживалъ поручикъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, фамилію не припомню, прибывшій въ дѣйствующую армію добровольцемъ и состоявшій въ командированіи къ штабу арміи. Зайдя вмѣстѣ со мною къ ротмистру барону Франку, почтенный хирургъ—профессоръ Бееръ, несмотря на предложенія барона Франка помѣститься у него, отправился искать пріюта въ средѣ медицинскаго персонала. Существовавшія между мною и ротмистромъ Франкомъ добрыя отношенія, начавшіяся еще съ 1876 года въ городѣ Александрополь до открытія военныхъ дѣйствій, не позволяли мнѣ отказаться отъ любезнаго предложенія ротмистра барона Франка помѣститься у него, тѣмъ болѣе, что я располагалъ пробить въ дѣйствующей арміи только однѣ сутки. Въ разговорѣ за чаемъ ротмистръ баронъ Франкъ сообщилъ мнѣ, что наша дѣйствующая армія подъ крѣпостью Карсомъ находится въ страдательномъ положеніи: смертность отъ тифа и дезинтеріи довольно значительна, что главнымъ образомъ происходитъ отъ неимѣнія у нижнихъ чиновъ фуфаекъ и теплыхъ одѣялъ и отчасти неудовлетворительности пищевыхъ продуктовъ, а между тѣмъ на Карскомъ возвышенномъ плато уже съ сентября мѣсяца начались заморозки, которые въ послѣднее время стали

стрѣливаемыхъ съ прилегающихъ къ воротамъ бастіоновъ главнаго фронта крѣпости; сами же люнеты или рavelины тоже снабжены артиллерійскими осадными орудіями большого калибра. Вообще крѣпость Александрополь въ оборонительномъ отношеніи не такъ была сильна, какъ крѣпость Карсъ, состоящая изъ отдѣльныхъ фортовъ или укрѣпленій, взаимно обстрѣливаемыхъ перекрестнымъ артиллерійскимъ огнемъ, съ полнымъ отсутствіемъ мертвыхъ пространствъ, такъ что взятіе одного укрѣпленія не могло парализовать оборону остальныхъ укрѣпленій.

¹⁾ Въ моихъ памятныхъ замѣткахъ фамилія хирурга профессора Дерптскаго университета написана крайне не разборчиво, такъ что въ настоящее время по слабости моего зрѣнія не могу вполнѣ удостовѣрить, носилъ ли профессоръ-хирургъ фамилію Беера или Бауэра.

доходить ночью до пяти градусовъ холода по Реомюру. Напившись чаю и переодѣвшись въ походную парадную форму, я, захвативъ съ собой портфель съ докладами, направился къ начальнику штаба арміи. Пѣхотныя части войскъ и пѣшей артиллеріи располагались въ палаткахъ и, чтобы добраться до мѣста нахождения штаба, надо было пройти довольно большое пространство. Его Императорское Высочество, Главнокомандующій арміею помѣщался тоже въ палаткѣ, но большаго размѣра, чѣмъ палатки у остальныхъ чиновъ штаба, и надъ ставкою Его Императорскаго Высочества развѣвался флагъ. Когда я вошелъ въ палатку начальника штаба генераль-лейтенанта Павлова, то засталъ его за работою: онъ просматривалъ инструкціи отдѣльнымъ начальникамъ, которыя затѣмъ и вкладывалъ въ пакеты.

Вообще помѣщенія высшаго начальства арміи и даже самого Главнокомандующаго отличались не только скромностью, но и отсутствіемъ даже удобствъ. Поздоровавшись съ мной, генераль-лейтенантъ Павловъ предложилъ мнѣ сѣсть и, указывая на пакеты, сложенные на столѣ высказалъ ¹⁾: часъ тому назадъ разошелся совѣтъ, который былъ собранъ Его Императорскимъ Высочествомъ и въ виду большой смертности въ войскахъ отъ тифа, совѣтъ, согласно мнѣнія Его Императорскаго Высочества, моего, а также генераль-адъютанта Святополкъ-Мирскаго, заведующаго медицинскою частью въ арміи и многихъ отдѣльныхъ начальниковъ, рѣшилъ штурмовать крѣпость Карсъ сегодня ночью, почему и вамъ придется видѣться съ Его Императорскимъ Высочествомъ только завтра, послѣ штурма. Положеніе нашей дѣйствующей арміи на Кавказѣ, добавилъ генераль-лейтенантъ Павловъ, довольно затруднительное — медлить нельзя, лучше потерять въ бою значительное количество войска, чѣмъ понести почти такую же совершенно бесполезную потерю отъ тифа. Да, наконецъ, въ заключеніе замѣтилъ генераль-лейтенантъ Павловъ, всякое промедленіе даетъ возможность Мухтару-пашѣ усилиться, а это осложнитъ еще болѣе положеніе нашихъ войскъ, тогда какъ при удачномъ штурмѣ, то-есть взятіи крѣпости Карса, можно пожалуй будетъ признать военныя дѣйствія на Кавказѣ оконченными, если конечно и не игнорировать успѣшныхъ дѣйствій нашихъ войскъ на Балканахъ.

Раскланявшись съ генераль-лейтенантомъ Павловымъ, я от-

¹⁾ Разговоръ мой съ генераль-лейтенантомъ Павловымъ передаю такъ, какъ онъ занесенъ въ мою памятную тетрадь, а въ тетрадь эту и заносилъ съ января 1876 года все, что признавалъ необходимымъ.

правился обратно въ мѣсто моего пристанища, то-есть къ ротмистру барону Франку, рѣшившись по пути зайти къ казначею штаба, но, проходя мимо ставки Главнокомандующаго, былъ лично остановленъ Его Императорскимъ Высочествомъ, при чемъ Его Императорское Высочество, поздоровавшись со мною, сказалъ: „комендантъ крѣпости Александрополя телеграммою уже донесъ мнѣ о случившемся тамъ печальномъ происшествіи, крайне жаль пострадавшихъ нижнихъ чиновъ, а также и потери значительнаго количества артиллерійскихъ снарядовъ, завтра прошу васъ подробно доложить мнѣ объ указанномъ происшествіи, такъ какъ по мнѣнію моему и генералъ-лейтенантъ Кобіевъ, какъ комендантъ, за свою халатность долженъ тоже подлежать отвѣтственности“.

Отыскать помѣщеніе казначея штаба, капитана Голицынскаго ¹⁾. было крайне не трудно, ибо около его палатки находился часовой, охранявшій казначейскій ящикъ, совершенно похожій на артиллерійскій двухколесный зарядный. Когда я вошелъ въ палатку, то капитанъ Голицынскій пилъ чай, почему, поздоровавшись со мною, онъ предложилъ и мнѣ заняться чаепитіемъ, замѣтивъ при этомъ, что до начала штурма крѣпости Карса еще времени много. На мой вопросъ, почему онъ знаетъ рѣшеніе совѣта, капитанъ Голицынскій съ усмѣшкою отвѣтилъ: „никакихъ секретовъ у насъ въ дѣйствующей арміи быть не можетъ, тѣмъ болѣе въ средѣ штаба; мы знаемъ не только о всякихъ замыслахъ высшаго нашего начальства, но даже и о положеніи турецкихъ войскъ въ крѣпости Карса, послѣднія же свѣдѣнія намъ доставляются ежедневно, конечно, дезертирами изъ крѣпости. Положимъ, продолжалъ капитанъ Голицынскій, дезертирамъ вполнѣ вѣрить нельзя, но вѣрно то, что и въ крѣпости Карсѣ свирѣпствуетъ тифъ и дисциплина въ войскахъ отсутствуетъ, почему открытое возстаніе войскъ противъ начальства только съ трудомъ сдерживается усиленными карательными и принудительными средствами, хотя сообщеніямъ дезертировъ, что для воспрепятствованія артиллеристамъ въ укрѣпленіяхъ самовольно оставлять свои мѣста, они даже приковываются къ своимъ орудіямъ цѣпями, пожалуй вѣрить нельзя. Во всякомъ случаѣ, пояснилъ капитанъ Голицынскій, положеніе осажденныхъ гораздо хуже осаждающихъ,

¹⁾ Казначеемъ дѣйствующей арміи на Кавказѣ былъ капитанъ артиллеріи и если не ошибаюсь Голицынскій, а можетъ быть подъ другой фамиліей, что для фактической стороны не существенно.

тѣмъ болѣе, что турецкія войска не отличаются тою стойкостью, выносливостью и героизмомъ, какъ наши, чему нельзя не удивляться по отношенію къ нашимъ нижнимъ чинамъ — людямъ молодымъ и не закаленнымъ въ бояхъ, какъ прежде“.

Во время нашего разговора въ палатку вошелъ генералъ-лейтенантъ Грабе, прибывшій добровольцемъ на театръ военныхъ дѣйствій въ началѣ 1877 года и имѣвшій уже за прежнія свои боевыя заслуги два офицерскихъ ордена святого Георгія четвертой и третьей степеней. Поздоровавшись со мной и капитаномъ Голицынскимъ, графъ Грабе вручилъ послѣднему пакетъ, пояснивъ при этомъ, что въ пакетѣ находится чекъ на три тысячи рублей, выданный ему изъ Тифлискаго отдѣленія Государственнаго банка на вкладъ въ этотъ банкъ и записка въ формѣ духовнаго завѣщанія, какъ поступить съ указанною суммою послѣ его, графа Грабе, смерти. „Порученіе Вашего Сіятельства мнѣ не придется исполнить, заявилъ капитанъ Голицынскій, такъ какъ я увѣренъ, что послѣ штурма крѣпости Карса буду имѣть удовольствіе видѣть Ваше Сіятельство совершенно здоровымъ и невредимымъ“. „Можетъ быть“, возразилъ графъ Грабе, „на все воля Всемогущаго Бога, но у меня зародилось сильное предчувствіе, что живымъ не вернусь, ибо на мою долю выпало довольно опасное дѣло: начальствовать отрядомъ, предназначеннымъ взять штурмомъ Канлы — самый укрѣпленный пунктъ крѣпости, войска могутъ дрогнуть и мнѣ придется показать примѣръ храбрости“. По выходѣ изъ палатки казначея, графъ Грабе вмѣстѣ со мною направился къ турецкому селенію, гдѣ квартировалъ ротмистръ баронъ Франкъ, сначала мы шли молча между палатками нижнихъ чиновъ, но затѣмъ графъ Грабе, первый прервавъ молчаніе, сказалъ: „время уже позднее, а нижніе чины еще копошатся въ своихъ палаткахъ; каждый изъ нихъ соображаетъ теперь по-своему, но едва ли кто думаетъ ретироваться для спасенія своей жизни. Причина настоящей войны, добавилъ графъ Грабе, какъ объясняетъ ее себѣ народъ и общество, если хотите, увлекательна:—избавленіе христіанъ отъ гнета мусульманъ, но правиленъ ли такой взглядъ — это вопросъ другой; во всякомъ же случаѣ общественное сочувствіе къ настоящей борьбѣ съ турками невольно передавалось и нижнимъ чинамъ, чѣмъ можно и объяснить удивительную стойкость и храбрость нашего молодого войска“. Выказавъ послѣднія слова, графъ Грабе со мной простился, при чемъ при прощаніи заявилъ, что зайдетъ въ офицерскую столовую, гдѣ по всей вѣроятности найдетъ и ниже-

неръ-полковника Бульмеринга, вызвавшася тоже принять участіе въ штурмѣ укрѣпленія Канлы въ качествѣ руководителя саперъ.

Ротмистра барона Франка и поручика лейбъ-гвардіи Коннаго полка я засталъ въ самомъ благодушномъ настроеніи, при чемъ оказалось, что барону Франку не только было извѣстно о предполагаемомъ штурмѣ крѣпости Карса, но также и о томъ, что его сожитель поручикъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка назначенъ къ графу Грабе ординарцемъ. Въ четверть двѣнадцатаго ночи ротмистръ баронъ Франкъ и его сожитель оставили занимаемое ими помѣщеніе и отправились: баронъ Франкъ въ штабъ начальника кавалеріи, а поручикъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка розыскивать графа Грабе, чтобы ему представиться. Прощаясь со мной, баронъ Франкъ предложилъ мнѣ воспользоваться его запасною лошадью, предупредивъ однако меня, что добратся во время боя до перевязочнаго пункта можно совершенно безопасно, а далѣе уже будетъ рискъ. Послѣ отъѣзда барона Франка и его сожителя я тоже направился пѣшкомъ къ мѣсту расположенія войска; было довольно холодно, но ночь свѣтлая и полный дискъ луны изрѣдка только заслонялся облаками. Спустившись съ пригорка, на которомъ было расположено селеніе, я замѣтилъ, что нижніе чины выходили уже изъ своихъ палатокъ и сгруппировывались въ отдѣльныя части, а Перновскій гренадерскій полкъ былъ вполне готовъ къ дальнѣйшему движенію и ожидалъ только прибытія своего командира полка, который не заставилъ себя долго ждать и, подѣхавъ верхомъ къ гренадерамъ, сперва поздоровался съ ними, а затѣмъ произнесъ краткую рѣчь, но полную, по мнѣнію моему, убѣдительнаго краснорѣчія. Близко находясь отъ Перновскаго гренадерскаго полка, я могъ слышать отчетливо каждое слово, произнесенное полковникомъ, а потому рѣчь его мною занесена въ мою памятную тетрадь. „Вы, гренадеры“, такъ началъ свою рѣчь полковникъ, „должны сегодня поддержать честь и боевую славу вашего полка, семь смертей не бывать, а одной не миновать, но лучше и доблестнѣе умереть героемъ съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ на пуховикѣ; помните, что наша жизнь въ рукахъ Всемогущаго Бога, а наша борьба съ турками за избавленіе болгаръ-христіанъ отъ турецкаго насилія—дѣло святое, а потому забудьте все мірское и направьте всѣ ваши помыслы и усилія только къ уничтоженію врага; теперь же помолимся и отдадимъ себя на волю Всемогущаго Бога“. Затѣмъ полковникъ скомандовалъ на молитву, полкъ обнажилъ головы

и началъ тихо молиться, слова молитвы не были слышны, но, какъ мнѣ тогда показалось, каждый изъ молящихся смотрѣлъ на небо, картина была торжественно-трогательна. По окончаніи молитвы полкъ, выстроившись по отдѣленіямъ, направился къ мѣсту боя; прошли артиллерія и другіе полки, и скоро вся движущаяся военная сила слилась въ одну темную массу, но было все еще тихо, наша осадная артиллерія не стрѣляла и турецкія укрѣпленія молчали; вся эта таинственность передъ наступленіемъ ужасовъ какъ бы невольно наэлектризовывала человѣческую натуру. Усталость и нервная напряженность вынудили меня возвратиться въ мое временное помѣщеніе, раздѣться и лечь спать; подъ теплымъ одѣяломъ я могъ протянуть свои усталые члены и заснуть, но скоро пришлось проснуться отъ сильной орудійной канонады — стрѣляли залпами. Наскоро одѣвшись, я приказалъ вѣстовому осѣдлать лошадь и немедленно направился изъ селенія по дорогѣ къ крѣпости Карсу: была еще ночь, хотя на востокѣ начинали уже проявляться первые признаки утренней зари. Тѣ укрѣпленія крѣпости Карса, неясные абрисы которыхъ можно было различать съ пригорка, сплошь были окаймлены огненною лентою, изрѣдка на нѣсколько секундъ прерываемою; отголоски канонады все болѣе усиливались, и смерть, такъ сказать, вступила уже въ свои права.

По пути меня нагналъ адъютантъ, фамилію не припомню, направлявшійся на мѣсто сраженія съ цѣлью, согласно приказанію Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго, собрать свѣдѣнія о положеніи отрядовъ, штурмующихъ укрѣпленія Арабъ-Табія, Канлы и Мухлись, а также и о количествѣ убитыхъ и раненыхъ, доставленныхъ на перевязочные пункты. Согласно любезнаго предложенія этого адъютанта я вмѣстѣ съ нимъ добрался до перваго перевязочнаго пункта, мѣстонахождение коего издали можно было узнать по высокоразвѣвающимся бѣлому флагу съ краснымъ крестомъ; на пунктѣ этомъ совершенно неожиданно для меня работалъ хирургъ, профессоръ Дерптскаго университета Бееръ, а со стороны Краснаго Креста находился уполномоченный гражданскій инженеръ Карцевъ, съ которымъ я познакомился еще въ Тифлисѣ. Хирургическія ампутаціи производились въ большомъ шатрѣ, и профессор-хирургъ мнѣ сообщилъ, что раненыхъ немного, а убитыхъ масса и, дѣйствительно, около перевязочнаго пункта лежало рядами около ста нижнихъ чиновъ и три офицера, собранныхъ на мѣстѣ боя и доставленныхъ санитарами къ перевязочному пункту; между убитыми были и три санитара, на лѣвомъ рукавѣ кото-

рыхъ были, однако, широкія бѣлыя перевязки съ красными крестами, но можно ли было вивить турокъ въ неисполненіи извѣстной конвенціи? едва-ли, все зависѣло отъ случая. Положеніе уполномоченнаго Карцева было крайне затруднительное: предать землѣ около ста нижнихъ чиновъ являлось дѣломъ не легкимъ, въ виду недостатка рабочихъ силъ, такъ какъ при перевязочномъ пунктѣ состояло только нѣсколько саперъ и человекъ десять изъ мѣстныхъ обывателей ближайшаго турецкаго селенія. Во всякомъ случаѣ при мнѣ вырыты были двѣ могилы или, правильнѣе сказать, большія ямы, въ каждую изъ этихъ могилъ было уложено по шести нижнихъ чиновъ въ два ряда, по три въ каждомъ, конечно, о саванахъ и другихъ атрибутахъ погребенія не могло быть и рѣчи: умершіе погребались въ форменной мундирной одеждѣ, но безъ головныхъ уборовъ. Передъ опусканіемъ въ могилу каждый нижній чинъ обыскивался и найденныя при немъ вещи и деньги передавались уполномоченному инженеру Карцеву, который въ свою очередь долженъ былъ полученныя имъ деньги и вещи передать казначею штаба арміи для отправленія по возможности къ родственникамъ убитыхъ. Священникомъ, находящимся на перевязочномъ пунктѣ, передъ засыпкою могилъ была совершена панихида и отпѣваніе, при чемъ священникъ по незнанію именъ убитыхъ употребилъ очень умѣстное выраженіе: „Тебѣ, Всемогущему Богу, имена умершихъ извѣстны, упокой же и ихъ со святыми и прости имъ прегрѣшенія“. Вообще погребеніе было крайне трогательное; всѣ присутствующіе исполняли роль пѣвчихъ и у многихъ, а равно также и у меня невольно появились слезы.

Мнѣ теперь семьдесятъ три года, но въ памяти моей хорошо удержался слѣдующій грустный фактъ: въ числѣ погребенныхъ былъ очень молодой нижній чинъ съ выразительнымъ лицомъ; при обыскѣ у него оказались кошелекъ съ пятнадцатью рублями денегъ, золотые съ цѣпочкою часы въ мѣшочкѣ и главное—фотографическая карточка дѣвушки или женщины довольно красивой; на оборотѣ этой карточки было написано: не забывай меня, помни—я жду тебя; надпись и нахожденіе карточки при убитомъ комментарія не требуютъ, но вызываютъ грустное чувство. Утренняя заря уже совершенно замѣнила блескъ луны, когда на перевязочный пунктъ былъ привезенъ трупъ командира гренадерскаго Перновскаго полка полковника Бѣлинскаго, который вмѣстѣ съ тремя убитыми офицерами и былъ направленъ въ мѣсто расположенія дѣйствующей арміи.

Орудійная канонада начинала стихать и изрѣдка даже прерывалась, количество доставляемыхъ на перевязочный пунктъ раненыхъ превышало убитыхъ, и начиналась усиленная дѣятельность профессора-хирурга. Раненые снимались съ двухколесныхъ телѣжекъ и немедленно переносились въ шатеръ, гдѣ на большомъ столѣ, сколоченномъ изъ простыхъ досокъ, и производилась хирургическая ампутація; слышались громко произносимыя слова профессора-хирурга, обращенныя имъ преимущественно къ сестрамъ милосердія: „ножку держите крѣпче! опять слезки и платочекъ! чувства упрячьте въ карманъ! дайте пилу, ланцетъ, опять не мыты! выбросьте ножку изъ шатра—тутъ не мѣсто валяться! и т. д.“. По временамъ профессоръ-хирургъ выходилъ изъ шатра на нѣсколько минутъ, чтобы отдохнуть, а ампутированныхъ имъ лицъ уже одѣтыхъ и надлежаще перевязанныхъ выносили изъ шатра и сажали въ двухколесныя телѣжки, гдѣ подъ вліяніемъ хлороформа несчастные начинали громко бредить; произносились не только слова, но и цѣлыя фразы; это, такъ сказать, былъ концертъ полной дисгармоніи, аккомпанируемой развѣ орудійными выстрѣлами. На профессоръ-хирургъ былъ надѣтъ бѣлый длинный передникъ съ рукавами, а на головѣ его почему-то такой же бѣлый колпакъ съ кисточкой; когда я подошелъ къ профессору-хирургу, то онъ курилъ сигару и распекалъ за что-то сестру милосердія; повидимому, профессоръ-хирургъ сильно былъ утомленъ, но нервы его были въ порядкѣ. Во время моего разговора съ профессоромъ-хирургомъ, къ намъ подошелъ уполномоченный Карцевъ и обратился ко мнѣ съ просьбою: взять деньги и вещи, отобранныя у убитыхъ для передачи казначею штаба, такъ какъ ему, Карцеву, рѣшительно невозможно наблюдать за сохраненіемъ отобраннаго имущества, а отъ недостатка надзора можетъ случиться и грѣхъ.

Согласившись исполнить порученіе Карцева, я, раскланявшись съ нимъ и профессоромъ-хирургомъ, отправился съ перевязочнаго пункта съ намѣреніемъ взятыя мною вещи и деньги передать лично казначею штаба; было уже семь часовъ утра и лучи восходящаго солнца начинали согрѣвать. Когда я доѣхалъ до дороги и повернулъ къ селенію, то оружейная канонада совершенно прекратилась; все стихло, и только въ ста шагахъ отъ меня пролетѣлъ большой снарядъ изъ орудія Амстронга; снарядъ былъ на излетѣ, почему и ясно обрисовывалъ въ воздухѣ свой путь спиралью винта, снарядъ упалъ и зарылся въ землю—это, такъ сказать, была точка къ оконченному кровавому періоду.

Вскорѣ по пути меня нагналъ, вѣхавшій полною рысью, ротмистръ баронъ Франкъ, который сообщилъ мнѣ, что крѣпость Карсъ взята и всѣ ея укрѣпленія сдались на капитуляцію, однако, болѣе одной трети гарнизона какимъ-то образомъ ушла изъ крѣпости, но за ушедшими погнался съ кавалеріею и конною артиллеріею генералъ-лейтенантъ князь Чавчавадзе; этотъ эпизодъ такъ сказать подтверждалъ существовавшій въ крѣпости разладъ между отдѣльными воинскими частями гарнизона. Изъ рассказовъ ротмистра барона Франка я узналъ, что убиты генералъ-лейтенантъ графъ Грабе и командиры полковъ полковники Бѣлинскій, князя Меликовъ, Вачнадзе и Дишкোলіани и много оберъ-офицеровъ, а также и нижнихъ чиновъ. Раненыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ тоже немало и въ томъ числѣ генералъ-лейтенантъ Соловьевъ, начальникъ отряда штурмующаго укрѣпленія Мухлисъ; два ординарца, находящіеся безотлучно при генералъ-лейтенантѣ Лазаревѣ, начальникъ отряда штурмующаго укрѣпленія Арабъ-Табія, тоже убиты, а генералъ Лазаревъ даже не раненъ, несмотря на его тучную комплекцію. Дѣйствительно, генералъ-лейтенантъ Лазаревъ былъ высокъ ростомъ и довольно полонъ и отличался отважною храбростію, а потому во всѣхъ сраженіяхъ съ турками почти всегда находился впереди вѣреннаго ему войска, почему и получилъ прозваніе генерала Заколдованнаго отъ пуль.

Въ виду того, что ротмистръ баронъ Франкъ любезно согласился выполнить возложенное на меня уполномоченнымъ Карцевымъ порученіе, я, передавъ ему довольно солидныхъ размѣровъ туюкъ и простившись съ нимъ, направился къ крѣпости Карсъ. По пути въ крѣпость Карсъ я чуть не наѣхалъ на лежавшаго на дорогѣ нижняго чина въ распростертомъ положеніи; головной его уборъ валялся въ двухъ отъ него шагахъ, а также и ружье; заинтересовавшись, я слѣзъ съ лошади и подошелъ къ лежавшему, но, убѣдившись, что онъ живъ, постарался его разбудить. Оказалось, что лежавшій не спалъ, а находился въ состояніи тяжелаго обморока, вслѣдствіе усиленнаго напряженія силъ въ связи можетъ быть съ порокомъ сердца. Когда нижній чинъ уже поднялся, то я нашелъ удобнымъ спросить его, какъ все это съ нимъ случилось. „Да хорошо не помню, Ваше Высокоблагородіе“, отвѣтилъ заинтересовавшій меня субъектъ: „закружилась голова, потемнѣло въ глазахъ, и я упалъ, а далѣе не помню“.

На вторичный мой вопросъ, гдѣ онъ находился во время штурма крѣпости Карса, субъектъ, уже придя въ себя, зая-

вилъ: „да подъ укрѣпленіемъ Канлы, въ числѣ охотниковъ, ворвавшихся съ тылу въ укрѣпленіе, ну, а какъ ворвались, то по приказанію поручика начали колоть турокъ безъ разбора и до того остервенились, что можетъ быть прикалывали и безоружныхъ, пока поручикъ скомандовалъ „довольно“; перекололи-то мы большею частью артиллеристовъ, которые, не желая сдаться, стрѣляли въ насъ изъ револьверовъ; работали штыкомъ недолго, но перекололи много, въ плѣнь сдалось только человѣкъ пятьдесятъ; правда жаль, добавилъ нижній чинъ, турокъ тоже человѣкъ, а не приколи—самъ убьетъ, видно, на то война, чтобъ друга убивать“¹⁾).

Узнавши отъ нижняго чина, что видѣвшееся впереди укрѣпленіе и есть Канлы, я направился туда полною рысью.

Передъ укрѣпленіемъ Канлы не видѣлось уже ни одного трупа, все было прибрано, и съ внѣшней стороны укрѣпленія ничто не обнаруживало, что за нѣсколько часовъ назадъ на мѣстѣ этомъ происходило страшное побоище.

Не останавливаясь на оцѣнкѣ въ спеціально-технически-инженерномъ отношеніи укрѣпленія Канлы, могу только сказать что укрѣпленіе это произвело на меня грандіозное впечатлѣніе; по заявленію же военныхъ инженеровъ, укрѣпленіе Канлы являлось ключомъ всей оборонительной линіи крѣпости Карса. Дѣйствительно, укрѣпленіе Канлы имѣло двухъярусную оборону: нижній ярусъ казематированъ, а верхній—составлялъ площадку, и такимъ образомъ только орудія нижняго казематированнаго яруса были скрыты, такъ какъ стрѣляли чрезъ амбразуры, а орудія верхней площадки совершенно открыты, но за то сфера дѣйствій орудій верхней площадки была гораздо больше, чѣмъ орудій казематированнаго яруса укрѣпленія. Все укрѣпленіе было сооружено изъ тесанаго камня и желѣза съ наружною земляною облицовкою, при чемъ земляная насыпь имѣла уклонъ, а съ внѣшней стороны укрѣпленіе окружалъ ровъ довольно широкой и глубокой; эскарпъ и контръ-эскарпъ рва были тоже выложены тесанымъ камнемъ, составленнымъ въ двухъ мѣстахъ пространствъ необходимыхъ на случай производства минныхъ работъ. Нижній казематированный ярусъ укрѣпленія соединялся съ верхнею площадкою внутреннею не широкою каменною лѣстницею; на верхней площадкѣ укрѣпленія было соору-

¹⁾ Огвѣты нижняго чина занесены мною были въ мою памятную тетрадь. изъ коей тетради я и рѣшился въ подлинности помѣстить эти огвѣты въ настоящей моей статьѣ.

жено изъ камня небольшое закрытое помѣщеніе для телеграфа, ибо всѣ укрѣпленія крѣпости Карса сносились между собою при помощи телеграммъ; горжа у укрѣпленія была закрыта и имѣла только однѣ двухстворчатыя большія двери, запирающіяся всякимъ замкомъ. Всѣ орудія въ укрѣпленіи были стальные и новой усовершенствованной конструкціи, при чемъ раздѣлялись на дальнобойныя и стрѣляющія на разстояніе близкое. Вообще укрѣпленіе Канлы представляло собою и въ тактическомъ боевомъ отношеніи пунктъ, не лишенный существеннаго значенія, такъ какъ орудія верхней площадки укрѣпленія могли обстрѣливать и другія укрѣпленія крѣпости Карса, независимо отъ того, что всѣ отдѣльныя укрѣпленія этой крѣпости были связаны между собою сильною взаимно-перекрестною обороною.

Остальныя укрѣпленія крѣпости Карса по сооружеціямъ своимъ имѣли большое сродство съ укрѣпленіемъ Канлы, но не отличались такою силою въ боевомъ отношеніи, какъ указанное укрѣпленіе. Въ какомъ положеніи находится въ настоящее время крѣпость Карсъ, мнѣ, конечно, не извѣстно, но въ 1877 году Карсъ признавался всѣми стратегами - иностранцами за перво-классную неприступную крѣпость, да и при пересооруженіи этой крѣпости по новому образцу принимали участіе иностранные инженеры, какъ-то: англичане, французы и пруссаки.

Внутри укрѣпленія лежали еще не подобранные трупы убитыхъ турокъ преимущественно около орудій, а на верхней площадкѣ умиралъ отъ ранъ, лежавшій на широкомъ плащѣ, какой-то турецкій штабъ-офицеръ артиллеристъ, повидимому начальникъ укрѣпленія Канлы. Голову умирающаго поддерживалъ нашъ фельдшеръ, и тутъ же стоялъ русскій военный докторъ. На мой вопросъ, почему раненаго не перенесутъ въ турецкій госпиталь, докторъ заявилъ, что это будетъ хуже для умирающаго, такъ какъ ему остается жить не болѣе пяти минутъ; весь организмъ исколотъ штыками и даже внутренности вывалились, спасеніе невозможно. Между тѣмъ умирающій, обративъ глаза къ небу, тихо произносилъ: „Алла-Алла“ и дѣйствительно, не болѣе, какъ минуты черезъ четыре, смерть прекратила существованіе героя, не хотѣвшаго сдаться живымъ въ плѣнъ. Количество боевыхъ припасовъ и продовольствія позволяло гарнизону укрѣпленій крѣпости Карса еще обороняться въ теченіе не менѣе двухъ мѣсяцевъ, а потому отважное дѣйствіе нашихъ охотниковъ, между прочимъ, подъ укрѣпленіемъ Канлы и пассивное, до нѣкоторой степени, положеніе турецкой пѣхоты съ полевою артиллеріею имѣли существенное

значеніе по отношенію къ капитуляціи крѣпости Карса. Дѣйствительно, турецкая полевая артиллерія и редифы, пѣхота, обязанные оказывать сопротивленіе нашимъ войскамъ въ промежуткахъ между отдѣльными укрѣпленіями, дѣйствовали, какъ мнѣ тогда говорили, крайне вяло и нерѣшительно, почему и распространился даже слухъ о подкупѣ съ стороны нашей коменданта крѣпости Карса, что, конечно, невѣроятно. Отдѣльные укрѣпленія крѣпости окружали городъ Карсъ, а потому я и рѣшилъ осмотрѣть городъ кавальеръ-батарею, сооруженную на возвышенномъ пунктѣ, командующемъ надъ всею окружающею мѣстностью, а также и помѣщеніе для турецкаго госпиталя, для чего и направился сперва въ городъ. Городъ Карсъ имѣлъ вполне типъ азіатскаго города; по склону главной улицы протекалъ довольно широкій ручей, загрязненный всякими отбросами, въ узкихъ переулкахъ господствовала полная загрязненность, всѣ дома были одноэтажные и только нѣкоторые съ претензіями на архитектуру; растительности въ городѣ почти не существовало; на площади находились лавки, а посреди ея — мечеть съ довольно красивымъ минаретомъ. Всѣ зажиточные обыватели Карса, какъ надо полагать, заранее оставили городъ, и только въ переулкахъ, населенныхъ по преимуществу бѣднотою, замѣтна была жизнь, что объяснялось опасностью, ибо много домовъ въ городѣ было разрушено нашею осадною артиллеріею, громившею городъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

На кавальеръ-батареѣ было установлено два орудія Амстронга, по выраженію, находившагося на батарее, турецкаго артиллерійскаго офицера: два чудовища страшныхъ однако только по внѣшности. Когда я по-французски попросилъ артиллерійскаго офицера объяснить мнѣ имъ высказанное, то, любезно удовлетворяя мою просьбу, онъ заявилъ, что едва-ли одна десятая часть снарядовъ, выпущенныхъ изъ орудія Амстронга, можетъ принести вредъ, ибо для этого необходимо, чтобы капсуль, находящійся на остріѣ снаряда, ударился о что-либо твердое, въ противномъ случаѣ снарядъ на излетѣ упадетъ не разорваннымъ или закопается въ мягкій грунтъ почвы. Между тѣмъ, пояснилъ офицеръ, каждый выстрѣлъ изъ Амстронговаго орудія, считая при этомъ и цѣнность снаряда, обходится не менѣе ста франковъ, и такимъ образомъ придется признать, что на десять выпущенныхъ снарядовъ затрачивается тысяча франковъ и девятьсотъ франковъ совершенно бесполезно. Что прикажете дѣлать, добавилъ артиллерійскій офицеръ, надо было чѣмъ-либо украсить кавальеръ-батарею; правда, разрывъ снаряда вѣсомъ около

трехъ пудовъ причинить громадный вредъ, ибо сфера его разрушенія значительна. На мой вопросъ, кого онъ ждетъ, артиллерійскій офицеръ отвѣтилъ: жду вашего артиллерійскаго офицера, коему я долженъ сдать эти два чудовища. Дѣйствительно, на флагштокѣ, находящемся на кавальеръ-батареѣ, развѣвался уже нашъ русскій трехцвѣтный флагъ.

Простившись съ артиллерійскимъ турецкимъ офицеромъ, я направился къ турецкому госпиталю, находившемуся въ недалекомъ разстояніи отъ укрѣпленія Канлы; госпиталь былъ размѣщенъ въ нѣсколькихъ одноэтажныхъ зданіяхъ, по наружности довольно красивыхъ съ большими окнами. Каждая палата госпиталя содержалась въ безупречной чистотѣ и порядкѣ; меня встрѣтилъ докторъ-венгерецъ, который съ предупредительностью объяснилъ мнѣ положеніе больныхъ въ госпиталѣ, въ смыслѣ только экономическомъ, продовольственномъ. Каждый больной пользовался желѣзною кроватью, лежалъ на мягкомъ тюфякѣ, покрытомъ простынею, подушки были мягкія, а не набитыя сѣномъ, больные укрывались байковыми одѣялами, подшитыми простынями, около каждой кровати находился небольшой шкафчикъ. Вообще госпиталь произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе, а когда я спросилъ одного больного и именно нашего нижняго чина, раненаго и попавшаго въ плѣнъ къ туркамъ, доволенъ ли онъ своимъ положеніемъ, то раненый категорически заявилъ, что совершенно доволенъ, такъ какъ присматриваютъ и кормятъ хорошо, даже чаемъ поятъ. Послѣ госпиталя осматривать было нечего, и я направился въ свое временное обиталище, то-есть къ ротмистру барону Франку, но на пути туда около укрѣпленія Канлы мнѣ пришлось проѣхать мимо сгруппированныхъ въ одну общую колонну турецкихъ нижнихъ чиновъ; всѣ эти нижніе чины были обезоружены, и только турецкіе офицеры, образовавши особую группу, имѣли при себѣ оружія, оставленныя при нихъ по распоряженію Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго.

Изъ разсказовъ инженеръ-полковника Бульмеринга, поручика лейбъ-гвардіи Коннаго полка и другихъ офицеровъ, бывшихъ при штурмѣ укрѣпленія Канлы, смерть полковника Бѣлинскаго и генераль-лейтенанта графа Грабе произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Когда Перновскій гренадерскій полкъ дрогнулъ и обнаружилъ нерѣшительность, то полковникъ Бѣлинскій, соскочивъ съ лошади и подойдя къ знаменщику полка, взялъ отъ него знамя и, обратясь къ полку, громко сказалъ: „гренадеры, вспомните славу Вашего полка и не посра-

митесь, впередъ!“ Но въ это время осколкомъ гранаты полковникъ Бѣлинскій былъ раненъ въ лѣвую ногу, а нѣсколько пуль, такъ сказать, пронизали его и онъ упалъ мертвымъ на руки знаменщика. Генераль-лейтенантъ графъ Грабе, видя смущеніе Перновскаго полка, бросился къ мертвому полковнику Бѣлинскому и, взявъ отъ него знамя, произнесъ: „гренадеры, отмстите за смерть своего командира полка, впередъ за мной!“, но когда генераль-лейтенантъ графъ Грабе, увлекшись, очутился впереди охотниковъ, то нѣсколько турецкихъ пуль также пронизали его и онъ палъ мертвымъ на руки инженеръ-полковника Бульмеринга, такъ какъ его ординарецъ поручикъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка присоединился къ охотникамъ и вмѣстѣ съ ними подъ командою поручика М. ¹⁾ бросился въ укрѣпленіе Канлы не съ фронта, а съ горжи. Какъ взяты остальные укрѣпленія крѣпости Карса, мнѣ не удалось узнать, но князь Меликовъ, какъ тоже сообщили, шелъ впереди полка. Дѣйствіе отряда генераль-лейтенанта Лазарева тоже было полно отчаянной храбрости, да и самъ генераль-лейтенантъ Лазаревъ не жалѣлъ своей жизни, когда исполнялъ долгъ война.

Около четырехъ часовъ пополудни въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, штаба дѣйствующей арміи и пожалуй въ наличности всего количества офицеровъ, совершена была панихида надъ убиенными офицерами, скромные тесовые гробы коихъ были поставлены въ большомъ шатрѣ тѣсно другъ къ другу. Панихида была торжественна и сердечна, при чемъ гробы съ останками всѣхъ убитыхъ офицеровъ, за исключеніемъ графа Грабе, должны были быть перевезены въ городъ Александрополь, для погребенія тамъ на братскомъ кладбищѣ; кладбище существуетъ давно, и на немъ погребались только офицеры, убитые въ сраженіи. Что же касается до гроба съ останками генераль-лейтенанта графа Грабе, то, по заявленію шурина графа, для графа Грабе былъ сдѣланъ новый гробъ въ Александрополѣ и затѣмъ останки графа перевезлись въ его имѣніе, какъ кажется Саратовской губ.

Наконецъ, около пяти часовъ вечера я былъ принятъ Его Императорскимъ Высочествомъ Главнокомандующимъ; солидное

¹⁾ Кто командовалъ охотниками подъ укрѣпленіемъ Канлы, фамилію позабылъ и она не занесена въ мою памятную тетрадь, но кажется, въ 1879 году была помѣщена въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“ статья о дѣйствіяхъ нашихъ охотниковъ подъ укрѣпленіемъ Канлы, и авторъ этой статьи есть именно поручикъ, начальствовавшій охотниками.

количество докладовъ вынудило меня предварительно разсортить ихъ, но въ общемъ все обошлось благополучно и только по отношенію взрыва въ люнетѣ крѣпости Александрополя Его Императорское Высочество потребовалъ отъ меня подробный докладъ, по окончаніи коего Его Императорское Высочество изволилъ по-прежнему заявить, если генераль-маіоръ Кобіевъ не виновенъ прямо, то во всякомъ случаѣ косвенно, какъ комендантъ крѣпости за недосмотръ и допущеніе безпорядковъ.

Только въ десять часовъ вечера, я, пользуясь прекрасною лунною ночью, рѣшился выѣхать изъ дѣйствующей арміи на почтовыхъ; дорога шла по Карскому плоскогорью и ничего интереснаго не представляла, только въ семи или восьми верстахъ отъ мѣста расположенія дѣйствующей арміи, мнѣ пришлось встрѣтить транспортъ, состоящій изъ верблюдовъ; транспортъ этотъ, какъ я узналъ отъ вахтера, слѣдовалъ въ дѣйствующую армію съ фуфайками и байковыми одѣялами. Состоящій при дѣйствующей арміи полковникъ Бобоховъ всегда запаздывалъ даже при доставленіи продовольствія.

Въ городѣ Александрополѣ я заѣхалъ на нѣсколько часовъ къ прокурору полевого военного суда подполковнику Брюсту, у котораго засталъ плѣннаго штабъ-офицера турецкой арміи, рослаго, съ красивой выразительной фізіономіей и вполне прилично одѣтаго въ свою форменную одежду. Плѣнный офицеръ, отрекомендовавшись мнѣ, назвалъ себя Абдуломъ-Магометомъ; онъ былъ природный турокъ и зналъ объясняться не только по-турецки, арабски и албански, но и на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ могъ свободно вести разговоръ; по собственному заявленію Абдуль-Магомета, онъ не чуждъ и англійскаго языка, но объясняется на немъ съ трудомъ. Когда я сообщилъ о взятіи крѣпости Карса и объ убитыхъ офицерахъ и массѣ нижнихъ чиновъ, то Абдуль-Магометъ замѣтилъ: „напрасныя потери въ людяхъ, можно Карсъ было не брать, а только блокировать; во всякомъ случаѣ крѣпость Карсъ и все Карское плоскогорье перейдутъ къ вамъ, русскимъ; все зависить отъ театра военныхъ дѣйствій на Балканахъ, а тамъ дѣла Оттоманскаго правительства слишкомъ плохи.“ На мой вопросъ, почему Мухтаръ-паша не далъ нашему войску послѣ Авліяра реваншъ, быть можетъ и имѣлъ бы успѣхъ, то на такой щекотливый вопросъ Абдуль-Магометъ, подумавши, сказалъ: „я думаю, что Мухтаръ-паша свои дѣйствія соображалъ съ театромъ военныхъ дѣйствій на Балканахъ, а потому здѣсь, на

Кавказѣ, добавилъ Абдуль-Магометъ, вы, русскіе, могли бы по моему мнѣнію довольствоваться оборонительною войною—оружіе беретъ мѣстности, но дипломатія по-своему дѣлитъ эти мѣстности и теперь, повѣрьте, Эрзерумъ вашъ, а по заключеніи мира перейдетъ снова къ Оттоманскому правительству ¹⁾).

По прибытіи въ Тифлисъ, я немедленно вступилъ въ колею своихъ заурядныхъ работъ. Въ половинѣ октября прибылъ въ Тифлисъ Его Императорское Высочество Великій Князь Михайлъ Николаевичъ съ своимъ начальникомъ штаба генералъ-лейтенантомъ Павловымъ, и такимъ образомъ ждали со дня на день окончанія войны.

Войска дѣйствующей Кавказской арміи послѣ взятія крѣпости Карса были распределены такъ: городъ Сухумъ былъ занятъ нашими войсками; на лѣвомъ флангѣ Карскаго плоскогорья командовалъ войсками генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ, Ардаганъ и Баязетъ были наши, крѣпость Карсъ была занята значительнымъ количествомъ войскъ, а комендантомъ крѣпости былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Соловьевъ. Генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, возведенный въ графское достоинство съ потомствомъ, и генералъ-лейтенантъ Лазаревъ пожалованный званіемъ генералъ-адъютанта, возвратились въ Тифлисъ.

Его Императорское Высочество Великій Князь Михайлъ Николаевичъ былъ возведенъ въ званіе генералъ-фельдмаршала и награжденъ орденомъ св. Георгія второй степени, а начальнику штаба генералъ-лейтенанту Павлову была дарована шпага, украшенная брилліантами. Короче говоря, награды посыпались, какъ изъ рога изобилія, при чемъ не забыто было и военно-судебное вѣдомство, но останавливаться на наградахъ я не буду, а въ заключеніе лишь скажу, что общество въ Тифлисъ и другихъ городахъ Кавказа и Закавказья еще до заключенія окончательнаго мира вошло въ прежнюю заурядную колею, почему и противъ горскаго населенія въ Дагестанѣ, Терской области и другихъ мѣстностяхъ Кавказа репрессивныя мѣры пришлось пріостановить, такъ какъ всякія дальнѣйшія стѣсненія въ бытовой жизни были бы совершенно излишни.

Изъ генераловъ, дѣйствовавшихъ на Кавказѣ въ 1877 и 1878 годахъ, едва ли кто-либо теперь остался въ живыхъ, такъ

¹⁾ Разговоръ мой съ Абдуль-Магометомъ, какъ отличающійся оригинальностью взгляда Абдуль-Магомета на военное дѣйствіе, занесенъ въ мою памятную тетрадь и даже на французскомъ языкѣ.

генералы Соловьевъ и Гейманъ еще до заключенія мира пали жертвами сыпного тифа и скончались, первый комендантомъ крѣпости Карса, а второй начальникомъ Эрзерумскаго отряда; генераль-адъютантъ Лазаревъ былъ назначенъ начальникомъ Ахалтекинской экспедиціи, но по прибытіи на мѣсто назначенія черезъ двѣ недѣли умеръ отъ карбункула, послѣ чего начальникомъ означенной экспедиціи былъ назначенъ генераль-адъютантъ Скобелевъ, и много другихъ лицъ, достойныхъ памяти и воспоминаній сошло въ могилу. Скончался также и генераль Бульмерингъ, кавалеръ ордена св. Георгія четвертой и третьей степеней.

Въ 1885 году мнѣ пришлось встрѣтиться съ Бульмерингомъ на желѣзной дорогѣ, онъ былъ уже тогда генераль-лейтенантомъ и комендантомъ Керчь-Еникальскаго крѣпости, чѣмъ, какъ онъ высказывалъ, былъ крайне недоволенъ.

Н. П. Хитрово.

